

лан, а также входивших в ближайшее научное окружение М. Н. Сперанского его учениц М. В. Щепкиной и В. Д. Кузьминой. Несколько человек из списка пострадали в 1936—1938 гг., судя по всему, вне связи с данным делом: Д. П. Святополк-Мирский, В. А. Мамуровский, Е. Б. Курило⁵.

Скорее всего Следственный отдел ОГПУ посчитал «дело» завершенным и подвел черту. Однако спустя две недели начался второй этап «дела „Российская национальная партия“», коснувшийся только 2 человек из 36. 11 апреля 1934 г. зам. председателя ОГПУ Аграновым был выписан ордер на арест М. Н. Сперанского, который было поручено произвести сотруднику оперативного отдела ОГПУ Халемскому. Одновременно в Ленинграде подготовили ордер на арест В. Н. Перетца. Обоих академиков арестовали в ночь на 12 апреля, причем Перетца в ту же ночь перевезли в Москву на Лубянку.

О причинах такого поворота дела можно только гадать. Может быть, уже после вынесения приговора кто-то из начальников, знакомившихся с делом (Агранов? Ягода? Сталин?), посчитал, что «Российской национальной партии» не хватает вождей, после чего решили задним числом добавить к делу немногих, но видных людей; число же рядовых членов «организации» посчитали уже достаточным. Среди академиков, уже включенных следователями в состав «центра», к «делу славистов» было проще подключить ученых сходной специальности, а не далеких от славистики В. И. Вернадского и Н. С. Курнакова. Из трех же академиков-славистов Н. С. Державин стоял на вполне советских позициях и был близок к влиятельнейшему в те годы Н. Я. Марру, тогда как М. Н. Сперанский и В. Н. Перетц были учеными старой школы, сохранявшими независимость взглядов. На них и остановились.

В деле вслед за ордером на обыск и арест идет заполненный рукой Сперанского «Лист арестованного» и перечень того, что при обыске «взято для доставления в ОГПУ»: «1) Трубецкой „К украинской проблеме“, 2) статья Буслаева „Славянская идея в России“, 3) 5 разных рукописей, 4) 13 разных брошюр, 5) разная переписка, 6) паспорт, 7) удостоверение действительного члена Академии наук, 8) 2 писанные книжки с адресами, 9) 1 записная книжка с металлической оправой». Книга «руководителя русского фашистского движения» Н. С. Трубецкого была, с точки зрения следствия, очень серьезным «вещественным доказательством»: хранение или чтение эмигрантских трудов этого ученого особо ставилось в вину ряду участников «дела славистов».

Сразу после ареста М. Н. Сперанский был вызван на допрос. Его вели сам начальник Секретно-политического отдела ОГПУ Г. Молчанов и зам. начальника одного из подразделений этого отдела (2 СПО) Сидоров, непосредственно осуществлявший фабрикацию «дела славистов». М. Н. Сперанский перечислил круг своих знакомых в Москве и Ленинграде, большинство из которых были к тому времени арестованы, рассказал о «понедельниках» в своей квартире. На вопрос: «Велись ли на „понедельниках“ беседы на политические темы?» он ответил: «Посетители моих „понедельников“ — это в основном мои ученики и слушатели. Главную часть времени у нас занимали беседы по специальным вопросам. Однако мы беседовали у меня и на политические темы. Я припоминаю, что в разное время были беседы по вопросам о тяжелом положении науки в Советском Союзе, о тяжелом положении интеллигенции, о продовольственных затруднениях... Я бесед по другим вопросам не вспоминаю. Все участники „понедельников“ — представители старой русской интеллигенции, оказавшейся в тяжелом положении в результате Октябрьского переворота (лишение прав собственности, привилегий,

⁵ В материалах следствия в качестве членов «организации» фигурируют и другие ученые, не арестованные и даже не внесенные в это «постановление». Среди них — А. И. Белецкий, С. К. Шамбинаго, М. Н. Петерсон, Р. И. Аванесов и др. По правдоподобию предположению С. Б. Бернштейна, в число членов «Российской национальной партии» следователи старались не включать лиц с нерусскими фамилиями.